

ГЛАВА XVIII.

В тот вечер, после того как дамы ушли на покой, я некоторое время не спал, беседуя с доктором Лите о последствиях плана освобождения людей от дальнейшей службы нации после сорока пяти лет, о чем свидетельствует его рассказ о роли пенсионеров в правительстве.

"В сорок пять, - сказал я, - у человека все еще есть десять лет хорошего физического труда и дважды десять лет хорошего интеллектуального служения. Быть уволенным в таком возрасте и положенным на полку, должно быть, расцениваться скорее, как трудность, чем как одолжение людям энергичного склада характера".

"Мой дорогой мистер Уэст, - воскликнул доктор Лите, сияя, глядя на меня, - вы не можете себе представить, какую пикантность имеют для нас в наши дни ваши идеи девятнадцатого века, редкую необычность их воздействия.

Знай, о представитель другого времени и все же то же самое, что труд, который мы должны выполнять как свою часть обеспечения нации средствами к комфортному физическому существованию, ни в коем случае не рассматривается как самое важное, самое интересное или самое достойное применение наших сил. Мы рассматриваем это как необходимый долг, который необходимо выполнить, прежде чем мы сможем полностью посвятить себя высшему проявлению наших способностей, интеллектуальным и духовным наслаждениям и занятиям, которые сами по себе означают жизнь.

Действительно, все возможное достигается справедливым распределением бремени и всевозможными особыми развлечениями, и стимулами, призванными избавить наш труд от скуки, и, за исключением сравнительного смысла, обычно это не утомительно, а часто вдохновляет. Но не наш труд, а более высокие и масштабные виды деятельности, к которым выполнение нашей задачи позволит нам свободно приступить, считаются главным делом существования.

"Конечно, не у всех и не у большинства есть те научные, художественные, литературные или академические интересы, которые делают досуг единственной ценностью для их обладателей. Многие рассматривают последнюю половину жизни главным образом как период для удовольствий другого рода; для путешествий, для социального расслабления в компании друзей своей жизни; время для развития всевозможных личных особенностей и особых вкусов, а также для поиска всех мыслимых форм отдыха; одним словом, время для неторопливого и невозмутимого оценивания всего хорошего в мире, которое они помогли создать.

Но каковы бы ни были различия между нашими индивидуальными вкусами относительно того, как мы будем использовать свой досуг, мы все согласны с тем, что ожидаем даты нашего увольнения как времени, когда мы впервые в полной мере воспользуемся своим правом по рождению, периодом, когда мы впервые по-настоящему достигнем совершеннолетия и получим избирательные права от дисциплины и контроля, с оплатой наших жизней, возложенной на нас самих.

Как нетерпеливые мальчики в ваше время ожидали двадцать одного года, так и мужчины в наши дни с нетерпением ждут сорока пяти. В двадцать один год мы становимся мужчинами, но в сорок пять мы получаем вторую молодость. Средний возраст и то, что вы бы назвали старостью, считаются скорее завидным временем жизни, чем молодость. Благодаря лучшим условиям существования в наши дни и, прежде всего, свободе каждого от заботы, старость наступает много лет спустя и имеет гораздо более благоприятный аспект, чем в прошлые времена.

Люди среднего телосложения обычно доживают до восьмидесяти пяти или девяноста лет, и в сорок пять мы, как мне кажется, физически и умственно моложе, чем вы были в тридцать пять. Странно размышлять о том, что в сорок пять, когда мы только вступаем в самый приятный период жизни, вы уже начали думать о старости и оглядываться назад. У вас это было до полудня, у нас это вторая половина дня, которая является самой яркой половиной жизни".

После этого я вспоминаю, что наш разговор перешел на тему популярных видов спорта и досуга в настоящее время по сравнению с теми, что были в девятнадцатом веке.

"В одном отношении, - сказал доктор Лите, - существует заметная разница. Профессиональным спортсменам, которые были такой любопытной особенностью вашего времени, нам нечего сказать, как и денежным призам, за которые ваши спортсмены боролись. Наши соревнования всегда проводятся только ради славы. Великодушное соперничество, существующее между различными гильдиями, и верность каждого работника своей собственной, обеспечивают постоянный стимул для всевозможных игр и состязаний на море и суше, в которых молодые люди проявляют едва ли больший интерес, чем почетные члены гильдии, отслужившие свой срок.

Гонки на яхтах гильдии у Марблхеда состоятся на следующей неделе, и вы сами сможете судить о том, какой энтузиазм вызывают подобные мероприятия в наши дни по сравнению с вашим днем. Спрос на "panem et circenses" ("Хлеба и зрелищ"), предпочитаемый римским населением, в настоящее время признается вполне обоснованным.

Если хлеб - это первая жизненная необходимость, то отдых - почти вторая, и нация удовлетворяет и то, и другое. Американцам девятнадцатого века, к сожалению, не хватало средств для удовлетворения как одного вида потребностей, так и другого. Даже если бы люди того периода наслаждались большим объемом свободного времени, они, я полагаю, часто были бы в недоумении, как приятно провести его. Мы никогда не оказываемся в таком затруднительном положении".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2758929>